

УДК-930.1:94(47).“09/10”

Т.В. Петраков, аспирант, мл.науч. сотрудник, 920-744-43-80, timeriy@mail.ru
(Россия, Тула, ГУК ТО «Музей военной истории Тульского края»)

ПЕРВЫЕ КРУПНЫЕ ШАГИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ. “ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОДЕЖДЫ И ВООРУЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК” А. В. ВИСКОВАТОВА

Первый том знаменитого издания А. В. Висковатова “Историческое описание одежды и вооружения Российских войск” рассматривается как первая крупная работа по истории русского средневекового вооружения.

Ключевые слова: Александр Васильевич Висковатов, историография, история вооружения, средневековое оружие, русское средневековое вооружение, военная археология.

Принято считать, что впервые интерес к старинному вооружению у отечественных историков появился после 1808 года, когда был найден так называемый “шлем Ярослава Всеволодовича”. Первой же крупной работой, посвященной непосредственно русскому средневековому вооружению, стала первая часть “Исторического описания одежды и вооружения российских войск”, вышедшая в 1940 году. Задача создания этой работы была поставлена на государственном уровне, когда в 1830 году Николай I поручил ее генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту П. А. Клейнмихелю [7, с. 13]. Под его руководством на протяжении 5 лет специальный комитет, а затем комиссия, непосредственным главой которой являлся полковник Бибиков, собирала архивные материалы для будущего издания, получившие название "Предварительные Сведения к Описанию Одежды и Вооружения Российских Войск". По предположению А. Л. Никитина эта комиссия, сочтя собранный материал недостаточным для написания работы, прекратила свое существование [7, с. 13]. Тогда продолжение работы было возложено на человека, под именем которого работа и получила свою известность – преподавателя математики 1-го Кадетского корпуса штабс-капитана Александра Васильевича Висковатова. Последний уже имел к тому времени работы по военной истории, высоко оцененные самим императором, правда, касались эти работы не средних веков, а более позднего периода. В то же время Никитин отмечает, что как раз “первая часть была еще в целом самостоятельной работой Висковатова” [7, с. 15], в то время как последующие в большей степени представляли собой предварительные материалы Бибикова. Таким образом, автором первой части, вышедшей в 1841 году [2], с полным основанием можно считать Висковатова, даже если он и пользовался какими-то ранее собранными материалами. В 1899 работа была переиздана без каких-либо изменений. Новое издание имело меньшую стоимость, больший тираж,

получило более широкую известность, в связи с чем ссылки в дальнейшем будут приводиться по этому изданию.

Структуру своей работы Висковатов строит исходя из деления русских войск на временные и непрменные – то есть иррегулярные и регулярные. Вот как определяет их автор: “Первые собирались только в военное время, по минованьи же надобности опять расходились по домам; а последние содержались Правительством, и люди, составлявшие их, обязаны были служить: или постоянно, всегда или, по крайней мере, определенный срок. Во временных войсках каждый должен был содержать себя, одевать и вооружаться собственными средствами; в непрменных — все обязаны были иметь одежду и оружие установленного вида, большею частью получая их от казны, а иные даже всем содержанием довольствовались от Правительства”[3, с. 25]. Такое деление, весьма заметное и важное для вооруженных сил XVI-XIX вв. совершенно бессмысленно для периода до середины XVI века, так как по признанию самого Висковатова первыми “непрменными” войсками в России были стрельцы[3, с. 51].

Раздел о “временных” войсках Висковатов начинает с перечисления дошедших до нас древнерусских названий военных подразделений, командных должностей и частей боевого построения. Перейдя к описанию собственно вооружения, автор, как и в предыдущем разделе, опирается, в первую очередь, на письменные источники. Для наиболее раннего периода – первых веков существования Древнерусского государства – данные источники позволяют создать представление о комплексе вооружения и доспеха, хотя некоторые важные виды оружия, такие как, булава и кистень остались вне поля зрения автора. Кроме того, сам Висковатов пишет о данных источниках, что они “...не описывают вооружения в художественной подробности: этого должно искать в иных источниках” [3, с. 27]. В качестве такого источника автор решил привлечь сведения о скандинавском вооружении, справедливо отмечая, что оно оказало большое влияние на вооружение Киевской Руси. Однако Висковатов путает скандинавское оружие с норманнским, как и самих викингов с норманнами. В результате автор представляет древнейшие русские щиты как каплевидные, упуская из виду существовавшие ранее круглые. Такая практика – привлечение для реконструкции вооружения источников, принадлежащих соседним народам или территориям, используется до сих пор. Так М. В. Горелик для реконструкции золотоордынских доспехов широко применяет источники, происходящие из других частей некогда единой Монгольской империи [6, с. 233]. Однако большинством исследователей подобные допущения считаются необоснованными, а работы Горелика подвергались критике еще с 70-х годов.

Поиск художественных подробностей, о котором говорилось выше, по всей видимости, был очень важен для Висковатова. Он стремился не только написать капитальный труд, обобщавший все имевшиеся на тот момент у

специалистов сведения о русском вооружении, но и создать яркие, зримые образы русских воинов. Доказательством наличия у автора такого стремления могут служить многочисленные иллюстрации, составляющие важную часть работы. В настоящее время историю вооружения невозможно представить без графических реконструкций, однако, еще во второй половине XIX и в первой половине XX века как в популярных, так и в научных работах печатались только фотографии или прорисовки отдельных предметов вооружения, но не изображения, позволяющие представить состав комплекса вооружения и целостный облик воина. Ценность графических реконструкции, в отличие от простых картинок, заключается еще и в том, что они не только иллюстрируют текст, но и несут в себе информацию, которую невозможно или, по крайней мере, очень сложно представить в текстовом виде. “Для яснейшаго понятия, как в старину носили, а частью и употребляли, вышеописанное оружие, наступательное и оборонительное, могут служить прилагаемые рисунки, составленные по сведениям, почерпнутым из достоверных источников...”, – пишет Висковатов [3, с. 49]. Работу Висковатова в этом отношении, следует назвать передовой, что сам он отмечал в приложениях [3, с. 48], на много опередившей свое время. Заслуга принадлежит, конечно, не только Висковатову, но и целому коллективу художников и граверов, принимавших участие в работе. Руководить этим коллективом был определен придворный живописец, баталист К. К. Пиратский, под началом которого над иллюстрациями “Исторического описания...” трудились знаменитый археолог и рисовальщик Ф. Г. Солнцев, гравер, лучший ученик Уткина И. П. Фридриц, и еще целый ряд менее известных авторов. Привлекались, вероятно, и служащие Военно-топографического депо Главного Штаба, пятое отделение которого было специально посвящено гравированию [7, С. 14].

Как же удалось автору осуществить задачу детальной реконструкции при крайнем недостатке источников, особенно вещественных? Сам он не приводит полного списка использованных им источников и литературы, но в различных местах работы называет следующие: Собрание и описи Оружейной Палаты, смотренные списки, десятки и другие документы документы Разрядного и Посольского приказов, летописи, записки иностранцев о России, опись оружия Бориса Годунова. Из литературы Висковатов чаще всего ссылается, конечно, на Карамзина. При этом он утверждает, что: “Все описываемые предметы сняты или с натуры, или с старинных изображений, поверенных с письменными и другими фактами” [3, с. 48]. К сожалению, приходится признать, что это далеко не всегда было так. Использование автором источников, показывающих норманнское вооружение, уже отмечалось выше. Основным из таких источников для автора стало знаменитое полотно из Байе конца XI века, прорисовки из которого приведены среди иллюстраций [3, рис 22-24]. Благодаря его

использованию русские воины X-XI вв. получили у Висковатова длиннорукавные кольчуги, кольчужные штаны и даже характерные седла. Неточность временных рамок, так же обращает на себя внимание, ведь в X веке подобного вооружения не существовало еще и у норманнов.

Другой характерный прием, который был отмечен у автора еще в описании одежды – удревнение известных ему поздних типов предметов. По этому поводу в приложениях можно найти весьма забавное рассуждение, полностью противоречащее современным представлениям о научном подходе: “Герберштейновы изображения, за исключением самых незначительных мелочей, разительно сходны с вещами донныне уцелевшими, особенно в Московской Оружейной Палате. Они показывают, что и в начале XVI века Русские употребляли оружие того вида, какое было у них после, в исходе XVII столетия. По этому соображению, не ошибаясь, можно полагать, что то же самое было у них в XIV, частью даже в XIII столетиях” [3, с. 48]. В другом месте Висковатов пишет: “Что и когда именно появилось в русских войсках, об этом нет и не может быть сведений, ибо всякое новое оружие вводилось у них не какими-либо постановлениями, а по желанию и произволу каждого; время же укореняло его употребление”. Действительно, такое положение вещей представляет разительное отличие от строгих правил XVIII – XIX вв., когда каждый образец вооружения, принимался централизованно, в масштабах всей страны и под определенной датой, дававшей ему название. При этом у историков оружия, в большинстве своем бывших тогда действующими либо отставными военными, еще не были разработаны методики датирования предметов вооружения. На иллюстрациях это выразилось в изображении поздних шлемов на реконструкциях, относимых автором как к XIV веку, так и к Киевской Руси [3, рис. 26-27, 45-55], хотя в последнем случае шлемы вообще прорисованы достаточно нечетко. Также обращают на себя внимание приплетенные к рукаву кольчуги кольчужные рукавицы, представленные на изображении русского конного воина X-XI вв. [3, рис. 27], но в действительности появившиеся в Западной Европе лишь в 80-е годы XII в.

Наконец, все вопросы, которые не удалось прояснить даже путем привлечением сомнительных источников, автор решает умозрительно, сообразуясь с некими собственными представлениями о предмете. Неясным остается то, как и под влиянием каких источников или работ сложились у него эти представления, но на иллюстрациях они проявились в целом ряде фантастических, никогда не существовавших предметов. Так появилась запона – пуговица для застегивания кольчужной бармицы на шлеме XIII века [3, рис. 27], странного вида широкие пояса и слишком короткие наручи, прикрывающие лишь небольшую часть руки у запястья на воинах X-XI вв. [3, рис. 26], фантастической формы невероятно массивный на вид топор в руках одного из них и пр. Если коснуться художественных

особенностей рисунков, то современному зрителю, имевшему возможность видеть материальные реконструкции кольчужных доспехов на живых людях, бросается в глаза неестественность передачи художником кольчужного полотна, которое то облегает торс конного воина – слишком рельефно, даже для надетого на голое тело атлета, то висит как легкая ткань, застегнутая пуговицей на бармице шлема. В данном случае художника, конечно, нельзя судить слишком строго, ведь он не имел возможности рисовать с натуры.

Возвращаясь к текстовой части работы, отметим рассуждения автора о появлении конницы на Руси. Данное событие Висковатов справедливо относит к концу X века, однако отрицает различия вооружения пехоты и конницы [3, с. 28], что видно и на иллюстрациях. В настоящее время хорошо известно, что оружие конницы не только отличалось от пехотного, но с XI века стало определять развитие вооружения в целом [5, с. 72]. Описывая вооружение последующих периодов, Висковатов продолжает придерживаться общего принципа своих рассуждений, состоящего в том, что русское вооружение, в целом, менялось мало, а изменения были связаны с влиянием соседей, особенно степных народов. Здесь автор приводит данное утверждение в наиболее категоричной форме, говоря даже о слепом подражании русских монгольскому военному искусству и оружию [3, с. 27]. Отчасти он оказывается прав, связывая появление и распространение сабель на Руси с заимствованиями у печенегов и половцев. В то же время Висковатов пишет: “В XII веке русское оружие не могло много измениться, в XIII – оно начало уступать, а в XIV и совсем уступило Татарскому” [3, с. 29]. Здесь увлечение фактором внешнего влияния привело автора к ошибке, так как известно, что широкое заимствование восточного вооружения произошло в русской армии не в XIV веке, как можно предположить, прибегнув к умозрительным заключениям, а лишь в конце XV в. В данном случае у автора еще раз проявился недостаток фактического материала.

Далее Висковатов дает краткую характеристику основных типов доспеха, стараясь раскрыть значение исторических терминов, связанных с данного рода предметами. Его определения не всегда точны. Так он видит различие кольчуги и панциря в размере колец, в то время как Гордеев позже показал, что кольца панцирей в отличие от кольчужных были плоскими. В то же время большинство типов доспехов Висковатов описывает верно. Точны и их изображения, ведь художник мог видеть эти доспехи в Оружейной Палате. В глаза бросается лишь нелепое замечание о том, что набивные доспехи могли шиться с добавлением панцирных и кольчужных обрывков [3, с. 32]. В том же ключе Висковатов освещает русские шлемы, описывая целый ряд поздних типов а так же дополнительные элементы защиты – наручи, поножи и т. д.

Русские щиты Висковатов представляет как “почти исключительно круглые” [3, с. 36], сделанные из металла или кожи. Такое впечатление,

конечно, так же сложилось у него под влиянием коллекции Оружейной Палаты. В данном случае проявились отрицательные качества данного собрания, как исторического источника, ведь при его формировании никто не ставил целью создать репрезентативную выборку, объективно характеризующую русский доспех позднего средневековья. Не была эта выборка и случайной, что так же дало бы достаточно адекватную картину. В Оружейной Палате, чаще всего откладывались необычные, редкие вещи, отличающиеся своей отделкой, высокой ценой, необычными формами, иностранным происхождением. Нет нужды говорить, что принадлежат почти все эти предметы к XVII, реже XV-XVI векам, в то время как Висковатов все время пишет о русском вооружении вообще, не делая каких-либо оговорок по времени. С другой стороны, следует признать, что высокая степень сохранности щитов из Оружейной палаты позволила автору дать весьма подробное описание конструкции позднесредневековых русских щитов [3, с. 36-37]. Причем данное описание не только касается украшений, на которых Висковатов чаще всего сосредотачивает свое внимание, но и позволяет отчасти понять также функциональные характеристики предмета и даже некоторые аспекты технологии его изготовления.

Наиболее явно недостаток у автора ранних вещественных источников проявился при описании им оружия, в особенности клинкового. Если среди предметов защитного снаряжения, отложившихся в Оружейной Палате, нашлись довольно близкие по форме к ранним образцам, то среди клинкового оружия здесь господствуют сабли. В результате о таком важном предмете средневекового вооружения, как меч, автор не смог составить сколь-нибудь адекватного представления. “Меч”, изображенный в приложениях [3, рис. 61], пропорциями и формой клинка ближе всего к римскому гладию, хотя его эфес ни на что в точности не похож. В тексте же Висковатов, вообще, пишет о каких-то фантастических мечах, у которых одно из лезвий “делалось с зубцами в виде пилы, и поэтому мечи разделялись на гладкие и на зубчатые” [3, с. 38]. О палаше он пишет, что тот “походил на меч, только был гораздо, почти вдвое его длиннее, иногда с расширением или елманью при конце” [3, с. 39]. На соответствующем рисунке изображен нормальный палаш, без всяких расширений, аналоги которому можно найти в Оружейной Палате. Здесь наибольший интерес вызывает замечание автора о соотношении длины меча и палаша. Ранее он безосновательно характеризовал меч как преимущественно пехотное оружие. В свете этого становится более понятным стремление изобразить меч короче, чем он был. Как уже можно было видеть, недостаток источников Висковатов часто компенсировал собственными представлениями о военном деле и вооружении. В его время клинковое оружие пехоты, игравшее для нее глубоко второстепенную роль, действительно делали гораздо короче кавалерийского, эту практику он и

перенес на средневековье. Вряд ли автор хорошо знал тактику римской пехоты, основанную на сочетании большого вытянутого щита и короткого меча, хотя какие-то античные произведения искусства и могли повлиять на художника. Остается совершенно непонятным, почему здесь Висковатов не прибег к аналогии с европейским вооружением, ведь в этом случае он оказался бы совершенно прав.

Далее Висковатов дает краткую характеристику еще целому ряду предметов русского вооружения, в основном, достаточно верно их определяя, не углубляясь в подробное описание. Наиболее подробно и грамотно описан им саадак – лук и набор принадлежностей для стрельбы и его ношения. Здесь подробно перечислены названия предметов, входивших в комплект и их частей, способ ношения и пр. Особенно стоит отметить, что автор рассматривает лук, стрелы и прочие связанные с ними принадлежности как единое целое, под общим названием “саадак” – то есть именно так, как их рассматривали в средние века, следуя логике того времени. Такой взгляд на эти предметы, конечно, подсказали ему описи Оружейной Палаты и документы Разрядного приказа, к которым он обращался.

Также весьма подробно Висковатов перечисляет отдельные части ручного огнестрельного оружия и сопутствующие ему принадлежности для стрельбы. Однако в наиболее принципиальных вопросах он допускает ряд ошибок, не только смешивая исторические названия, обозначавшие различные виды огнестрельного оружия, но и утверждая, что фитильный замок появился позже колесцового [3, с. 45].

Одним из наиболее удачных моментов главы является рассказ о снаряжении и различных принадлежностях для верховой езды, а так же месте коня в системе средневекового вооружения. Во-первых, сама постановка вопроса является совершенно верной, ведь конь в средние века являлся важнейшим боевым средством, подчас определявшим характер всего комплекса вооружения. Позже, когда верховая езда стала выходить из жизни людей, многие авторы вовсе перестали уделять внимание подобным вопросам. Возврат к ним произошел лишь в 70-е годы XX века, когда А. Н. Кирпичниковым была написана специальная работа “Снаряжение всадника и верхового коня Руси IX – XIII вв.”. Нужно отметить, что в данных вопросах Висковатов оказывается весьма компетентен, уверенно и грамотно рассуждая даже о таких тонкостях, как плюсы и минусы посадки на коротких и длинных стременах [3, с. 48].

Интересны и рассуждения автора о составе комплекса древнерусского вооружения. Конечно, его мнение о том, что русское вооружение XIII – XIV веков было менее обременительным по сравнению более поздним, совершенно безосновательно. В то же время, Висковатов понимает и отмечает важность таких аспектов оружейведения, как социальная дифференциация вооружения, связанная с этим степень распространения

отдельных видов оружия. Он даже стремится представить на рисунках способ ношения предметов вооружения и их возможные сочетания, то есть то, что сейчас принято называть графической реконструкцией комплекса вооружения и боевых средств. Конечно, и эти изображения содержат фактические ошибки, наиболее частой из которых является распространение датировки поздних комплексов до XIV века включительно, но ценность представляет сама постановка вопроса и движение, предпринятое автором в верном направлении. Кроме того, некоторые комплексы, такие, например, как рис. 92, восстановленные целиком по одному конкретному изобразительному источнику, и сейчас могут быть признаны вполне достоверными для XVI – XVII вв. Неслучайно, что эти изображения, удобные для восприятия неподготовленного человека, приобрели большую популярность и использовались на протяжении еще очень долгого времени.

В главе, посвященной постоянным – “непременным” у Висковатова – войскам основное внимание уделяется не технологии производства вооружения и даже не собственно вооружению, а самим постоянным войскам в России XVI – XVII вв.: стрельцам, жильцам, полкам иноземного строя и пр. При этом, конечно, перечисляется их вооружение, но весьма кратко, а основное внимание уделяется костюму и истории этих частей.

Небольшой, но отдельный раздел работы Висковатова посвящен музыкальным инструментам в русском средневековом войске. Здесь автор проделал значительную работу по изучению письменных источников, собрав упоминания о различных видах музыкальных инструментов, времени их первого появления в русском войске, внешнем виде и даже звучании. Сведений о технологии изготовления данных инструментов Висковатов, конечно, не приводит. Однако, описывая их внешний вид, он раскрывает некоторые конструктивные особенности данных предметов. Так о трубах автор пишет: “...должно полагать, что сперва они были совсем прямая, без изгибов или колен, на подобие нынешних пастушьих рожков. В последствии трубы делали из трех колен, в равном одно от другагоразстоянии, расположенных и скрепленных поперечными перемычками, а еще позже они получили почти тот же самый вид, в каком ныне существуют, т. е. состояли из трех же колен, но таким образом соединенных, что два крайних из них прилегали плотно одно к другому...” [3, с. 62].

Отдельный раздел посвятил Висковатов и русским средневековым знаменам. Здесь он основывается, в первую очередь, на вещественных источниках – знаменах XVII века, сохранившихся в Оружейной Палате и Санкт-Петербургском арсенале. Большую часть раздела занимает их подробное описание, в котором отмечаются в основном форма, материал знамен, и изображенные на них сюжеты и надписи. Также массу сведений о знаменах XVI-XVII вв. автор почерпнул из письменных источников, как

отечественных, так и зарубежных. Гораздо сложнее для Висковатова оказалось описать знамена более раннего времени. Он сумел найти ряд сообщений о знаменах домонгольского периода, но все эти сообщения не передавали главного для автора – изображений на знаменах. В результате Висковатов представил их как “огромной величины, пестрыя, с изображениями языческих богов и чудовищ” [3, с. 65]. Причем большой размер и пестроту отмечает Карамзин, слова которого приведены в приложениях, а сюжеты, которые могли быть изображены на стягах автор, вероятно, домыслил сам. Никаких источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть данное предположение до настоящего времени найдено не было.

Еще один раздел работы посвящен знакам отличия, под которыми автор имеет в виду не знаки отличия, а награды, получаемые за военные заслуги. Данный класс предметов, конечно, не относится к вооружению, что говорит о том, что границы научных областей в тот период еще не были строго очерчены, а Висковатов стремился показать весь спектр предметов материальной культуры, связанных с военным делом.

Наконец, последний раздел работы Висковатова посвящен такой важной части позднесредневекового вооружения, как артиллерия. В начале раздела автор перечисляет названия известных ему осадных машин, применявшихся до появления огнестрельного оружия, причем в этом списке легко заметить тюфяки и пушки! Дело в том, что в отечественной историографии на протяжении долгого времени существовал спор о времени появления на Руси огнестрельного оружия. Впервые данная проблема была затронута Николаем Михайловичем Карамзиным в 5-м томе “Истории государства Российского”. Опираясь на сообщение Голицынской летописи о том, что “В лето 6897 вывезли изНемец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумели з них стреляти”, Карамзин относит появление огнестрельного оружия на Руси к 1389 году. Он же отмечает и сохранившееся во множестве летописей сообщение об использовании пушек и тюфяков москвичами в 1382 году при обороне города от Тохтамыша: “... Егдаботатаровеприступаху близ стен градских, тогда же гражане... тюфяки пущаху на ня... инии же пушки великие пущаху...” [1, с. 208]. Однако данное противоречие Карамзин объясняет тем, что в 1382 году пушками и тюфяками называлось, якобы, не огнестрельное оружие, а обычные метательные машины [4]. При этом никакого анализа древнерусской терминологии, связанной с осадным делом, способного подкрепить данное утверждение, автор не проводит.

Первым историком, принявшим противоположную “карамзинской” точку зрения, был Сергей Михайлович Соловьев, передававший в III томе своей “Истории...” эпизод с применением огнестрельного оружия Москвичами как достоверный. При этом он принимает термин пушки соответствующим его современному значению, а тюфяки определяет как

ружья [8, с. 290], также не давая каких-либо пояснений об основаниях такой интерпретации. Впоследствии были проведены новые, более глубокие изыскания в данной области, о которых будет сказано далее, и на данный момент датой появления огнестрельного оружия на Руси принято считать 1382 год, но Висковатову к моменту написания работы была известна лишь “карамзинская” точка зрения, к которой он и присоединился.

В начале раздела Висковатов, как всегда, раскрывает средневековую терминологию, в данном случае связанную с артиллерией. Далее он приводит ряд данных, касающихся производства артиллерийских орудий на Руси: время его начала, имена крупнейших мастеров, конструктивные отличия старинных пушек от современных. Подробно технологический процесс отливки орудий автором, конечно, не раскрывается, но и приведенные сведения для того времени представляли немалый интерес. Основной объем раздела занимает описание сохранившихся средневековых орудий с указанием их размеров, украшений и надписей, веса снарядов и имен мастеров-изготовителей, когда это известно. Всего Висковатов описывает 29 орудийных стволов, а в конце раздела останавливается также на одном сохранившемся пальнике.

Итак, работа Висковатова представляет собой первое крупное исследование по истории русского средневекового вооружения и технике его производства. При этом данная работа, вообще, является одной из первых, посвященных данной проблеме. С позиций современного историка, конечно, представляется, что тема исследования сформулирована предельно широко и подразумевает гигантский объем материала, который никак не мог бы уместиться в один том. Конечно, эта тема не могла, да и сейчас не может быть раскрыта в рамках одной работы. Однако для Висковатова при имевшемся у него объеме материала и представлениях о предмете, а ведь он считал русское средневековое вооружение практически неизменным на протяжении 9 веков его истории, подобная задача казалась вполне реальной. Более того, автору действительно удалось проработать весьма значительный объем материала и дать целостное, вероятно даже казавшееся современникам достаточно полным, представление о предмете. Если же обратиться к историографическим аналогиям, то легко увидеть, что для первой половины XIX века появление крупных обобщающих работ по совершенно не разработанным ранее темам не представляет большой редкости. Взять хотя бы “Историю государства Российского” Карамзина, которая, появившись, сразу в несколько раз превысила по объему все ранее написанное по русской истории. Нельзя не отметить и другую причину, толкавшую Висковатова к постановке столь широкой темы. Первый том лишь предварял целую серию из 30 книг, посвященных истории русского вооружения и обмундирования вплоть до современности (второй четверти XIX века). Естественно, столь подробное исследование не могло обойтись без рассмотрения начального периода русской истории, что и заставило

Висковатова взяться за разработку новой, в том числе и для него самого, темы.

Современному исследователю в работе Висковатова, конечно, виден целый ряд очень серьезных ошибок. Первой и, наверное, главной из них является рассмотрение комплекса русского средневекового вооружения как целостного явления, уверенность в его традиционности и практически полной неизменности на протяжении 9 веков. Другая черта, характерная для всей работы Висковатова, это использование поздних источников для описания всей истории средневековой Руси начиная с древнейшего периода. Данная практика, связанная, несомненно, с отмечавшимися выше представлениями автора о неизменности материальной культуры Руси, стала основной причиной ошибок, имеющих в "Историческом описании...". Наконец, недостаточное количество источников и невозможность глубоко проработать имеющиеся привели автора к необходимости домысливания отдельных фактов.

Затронув вопрос об источниках, которыми пользовался автор, необходимо отметить, что основными для него были письменные свидетельства, а из вещественных – предметы, хранившиеся в Оружейной палате. Отсюда и ориентация на поздние образцы. Среди письменных источников особенно активно используются Висковатовым свидетельства иностранцев, а также некоторые акты, в том числе опись оружейной палаты. Летописный материал, при этом еще не был так глубоко проработан, как это можно будет видеть позже в работах Арциховского и Рабиновича. Изобразительные источники, в том числе прекрасные книжные миниатюры XIII – начала XIV вв., автором, к сожалению, практически не использовались. Таким образом, получившаяся работа более или менее адекватно описывает лишь вооружение XVI – XVII веков, в то время как для более раннего периода у Висковатова просто не достает источников.

Главной заслугой автора, вероятно, следует считать не разработку фактографической стороны темы, а выявление значительного числа источников, публикацию заметной их части, выработку некоторых методов работы – то есть создание базы для дальнейшего изучения темы. Среди источников следует особенно отметить публикацию на 17 страницах выписок из описей Оружейной палаты, а среди методов работы автора – создание графических реконструкций комплексов вооружения – практика, которая после него надолго будет забыта и к которой вернуться лишь во второй половине XX века. В свое время работа Висковатова также была высоко оценена. На заседании Императорская Академия Наук 15 мая 1843 года она была удостоена второстепенной (половинной) Демидовской премии за 1842 год. Хвалебными были и отзывы в тогдашней военной прессе. Совсем другими стали отзывы полвека спустя, когда в связи с планами по переизданию работы был поднят вопрос о необходимости ее исправления. Отмечал "...массу ошибок, пропусков, неточностей" и даже

приходил к выводу об отсутствии "серьезного научного значения" работы редактор "Альманаха армии и флота" Б. Л. Тагеев-Рустам-Век. "Ошибок и пропусков, даже в рисунках, у Висковатова изрядное количество, не говоря уже о его "доисторической Руси", заключающейся в 1-м томе "Исторического описания..." - при современном состоянии археологической науки этот весь том, почти во всем, что касается "оружия и конского снаряжения" должен быть признан исключительно плодом фантазии", – писал подъяесаул Лейб-гвардии Уральской Е. В. сотни В. Ф. Железнов, упомянутый Тагеевым в качестве авторитетного знатока оружия [7, с. 16]. Таким образом, можно отметить, что уже к концу XIX века возросший уровень знаний по теме позволял историкам оружия видеть многие из тех недостатков, которые отмечались выше.

В заключение следует отметить, что хотя древнерусское вооружение описано Висковатовым с необычайными для своего времени подробностью и масштабностью, но в общем объеме работы данная тема все же составляет весьма небольшую часть. Девяти векам допетровской Руси посвящен первый том, а следующим полутора векам – остальные 29 томов. Данное соотношение должно было показать всем тогдашним военным историкам, как плохо еще изучен средневековый период нашей истории и насколько он нуждается в изучении. Однако для проведения новых, более глубоких исследований необходимо было формирование источниковой базы – проведение археологических раскопок, выявление и введение в научный оборот новых письменных и изобразительных источников, а также разработка новых методов исследования. Все это требовало значительного времени. Работа же Висковатова в значительной мере исчерпала имевшиеся на тот момент возможности для разработки данной темы, в связи с чем в последующие десятилетия количество и объем работ по древнерусскому вооружению были крайне невелики, и лишь к концу века эти показатели стали снова возрастать. Если же рассматривать "Историческое описание одежды и вооружения Российских войск" в целом, со всеми томами, последовавшими после первого, то Висковатова вместе с его соавторами можно по праву назвать Карамзиным отечественного исторического оружиеведения. К сожалению, судьба работы Висковатова одним важным обстоятельством отличалась от судьбы "Истории Государства Российского". Цена первой части издания с черно-белыми и цветными иллюстрациями составляла соответственно 21 и 28 рублей и не позволила работе получить широкое распространение. В связи с этим вплоть до 1899 года, когда началось переиздание работы, она не оказывала на развитие оружиеведения того влияния, какое могла бы оказать.

Список литературы

1. ПСРЛ, том XXV. Издание 1-е. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л. 1949.

2. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Военная типография, 1841. Ч. 1. 200 с.: с прил.

3. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб.: Тип. "Балашов и К^о", 1899. 111 с., 118 с.: прил.: с ил.

4. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т./под ред. А. М. Сахарова. М.: Наука, 1989. Т. 5.

6. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие IX – XIII вв. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX – XIII вв. М.; Л., 1971. 92 с.

6. Кирпичников А. Н. Факты, гипотезы и заблуждения в изучении военной истории XIII-XV веков. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984. С 229-243.

7. Никитин А. Л. К истории создания "Исторического описания одежды и вооружения Российских войск" // Старый барабанщик. 1995. № 1. С. 13-16.

8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. кн. II, т. III.

T. V. Petrakov

FIRST STEPS IN A STUDYING OF ANCIENT RUSSIAN ARMAMENT. "A HISTORY OF CLOTHES AND ARMAMENT OF RUSSIAN ARMY" BY A. V. VISKOVATOV

This article deals with scientific research of a famous book by Viskovatov "A history of clothes and armament of Russian army", that considered as a first big work about the medieval Russian armament.

Key words: Viskovatov A. V., historiography, history of armament, middle-aged arms, Russian ancient armament, military archeology.

Получено 20.02.2012 г.